

Елена
Фролова

- Да, я считаю себя ученицей Елены Камбуровой

Несколько лет назад довелось мне услышать «Птичьи песни» из первых компакт-дисков, записанных Еленой Фроловой. Потом - циклы «Бродяга», «Солнечная нить», «Птица вербная»... Запускал их вновь и вновь - и не мог наслушаться-надышаться. Да и сегодня не подберу слов, чтобы передать глубину переживания, столь интимным оказалось общение; подобный «страх и сострадание», катарсис помню лишь от романсов Чайковского в исполнении немолодого уже Сергея Лемешева. Беседа, разговор, душевно - и очень серьезно. И не думаешь вовсе, чьи стихи слились с музыкой, с голосом Фроловой - классиков или «самодеятельных» поэтов XIX века, Чайковского, или других классиков и современников XX века. При этом песни на стихи самой Елены Фроловой угадываются. Как? Это секрет. Автора. И с некоторых пор - мой тоже.

Будто просится традиционное: училась там, жила не здесь, исходила полмира. Все так. Но очень важно: есть самодостаточный человек, чье искусство универсально. Струна, слово, голос - и нет ничего вокруг, разве что извечная тайна бытия.

Слушать песни Фроловой непросто: каждая фраза, интонация вызывает к особой работе. А песни все нисходят, ложатся на новые диски... И вдруг - устаешь: от богатства и сложности чувств, от боли, которая становится (то есть была всегда!) твоей. Да ведь не нами замечено - о душе, обязанной трудиться. Елена Фролова поет о любви. Все ее песни - любовь. И всюду - симфония «иных», дополнительных красок. Сумевший принять этот клад добавляет по крупице... в знание о себе. Об этом - наш разговор с Еленой Фроловой.

- Елена Борисовна, авторская песня становится иной - в ней все больше Поэзии. Это естественный уход от костровых посиделок прошлых десятилетий - или поступь какого-то особого, высокого жанра?

- Мне кажется, это естественное развитие того, что пока еще жанром не стало, но уже имеет какое-то свое имя, или то, что каждый для себя вкладывает в понятие «авторская песня».

Что касается направления поэтической песни, к которому я себя причисляю, вряд ли это можно назвать «поступью» чего-то принципиально нового. Да, камерной песне не нужны костры и вся костровая романтика, но она и не мешает, и не может помешать, потому что, на мой взгляд, поэтическая песня - это естественный живой отклик наших душ на «глас вопиющих в пустыне забвения», которому до поры до времени было предано большинство самых потрясающих поэтов нашего времени. Я имею в виду и весь Серебряный Век, и даже вторую половину XX века, таких поэтов, как Леонид Губанов, Вениамин Блаженный...

Да и вообще, мне кажется, трудно, получив сильное эмоциональное и душевное потрясение, которое создает поэзия внутри человека, - оставаться безмолвным и не перенести этот импульс живой творческой энергии - дальше в мир - словами, делами, песнями. Вот это, по-моему, и есть то, что называется «авторским»... А уж песня ли, или что-то иное - не важно.

- Еще видится противоречие: жизнь «упрощается» - сводится к заботам о хлебе насущном, ваш же интеллектуальный взлет - имею в виду ваше творческое содружество «Азия» - небывалый. Вы действительно не от мира сего?..

- Надеюсь, что да. Впрочем, я этот мир очень даже люблю, и в лучших его проявлениях - я от него и с ним... И мои друзья из Творческого Союза «Азия», думаю, - тоже.

- Слово «талант» меня пугает, особенно когда чувствуешь, осознаёшь: вот это и есть освоенная «молния в руке». И все же: в 16 лет выдавать Искусство - и продолжать, и расти, и двадцать лет не высухать душой - запас множит сам себя? Или вас уже не отпускает упавшая когда-то в сердце поэзия Серебряного века?

- Я бы очень осторожно отошла от слова «Искусство» применительно к моим песням. Песня - скорее самый добрый и преданный друг, Ангел, который рядом всегда.

Что же касается того, что вы называете «не высухать Душой»... Для меня мои песни всегда были чудом, как и сама жизнь, ее возможность. Ведь могла бы родиться и не я, а кто-то другой, или не здесь... и так далее. И песни могли бы быть другие или у другого. А они пришли ко мне. Поэтому здесь все похоже на Рождественскую сказку или на обыкновенную жизнь, в которую приходят люди и из которой они уходят.

Поэзия - похожа на звезду, которую ты видишь, если есть для этого некие условия: ясная ночь, твое желание поднять голову вверх и увидеть. А песня иногда создает это желание. А потом, когда все-таки поднял голову - и увидел - снова появляется песня, ликование сердца. Ну, это вроде как совсем отвлеченно от чего-то конкретного, но все-таки, есть в этом некий вечный круг, связь нас с чем-то иным, о чем мы не забываем, - вот и все.

А поэзия Серебряного Века - звезда, которую раз увидев, носишь в сердце всю жизнь, - как же она может отпустить? Да и зачем отпускать, - это ведь встречи, ради которых мы тут все и появились. Я так думаю.'

- Вы ученица Елены Камбуровой - это слышат даже те, кто не знает, что вы работаете в руководимом ею Театре музыки и поэзии. Я преклоняюсь перед великой певицей, но странно: в чем-то, боюсь, вы превзошли наставницу. Как переживает Камбурова ваш успех?

- Елена Антоновна переживает мой «успех» (как вы говорите) с огромной радостью за меня. Это один из самых удивительных людей, мною встреченных в этой жизни. Я действительно считаю себя ее ученицей. С самого начала моей дороги в песне я нахожусь под крылом Ее Театра Музыки и Поэзии - и мне там очень уютно и тепло. Мои выступления в театре - это всегда что-то большее, чем просто выступление или концерт - это Встреча в пространстве Поэзии, Песни. Поверьте, ставшие уже традиционными такие вечера в театре создают совершенно особое состояние, не только потому, что для нас это уже стало неким местом встречи и общения, но и потому, что там совершенно особая атмосфера, созданная именно Еленой Камбуровой и ее миром.

- Как и Елена Камбурова, вы не позволяете себе более одного концерта в день, но теперь это, говорят, не модно...

- Думаю, что для нашего жанра это вообще не актуально, потому что законы существования на сцене несколько другие, да и задачи - тоже.

- Москва, Тверь, Рига, Владимир, Казань, Париж, Петербург, Израиль и Швеция видели и слышали вас этой весной. Почему наш город у вас на примете?

- Потому что в этом городе живут мои друзья и удивительные, очень мною любимые, певицы Эльмира Галеева и Юлия Зиганшина. И вот нам показалось, что было бы здорово выступить вместе здесь, в Казани, в их родном городе. Петь вместе с Эльмирой и Юлей для меня не только большая радость, но и большое волнение, потому что, слушая их я всегда ощущаю, что моя душа прикасается к чему-то первозданному, к источнику, текущему от самой сути жизни, из ее сердца...

- В начале девяностых вы, уже почти москвичка, первые кассеты и диски приезжали записывать в Казань - почему?

- Потому что в Казани живет удивительный человек Валерий Мустафин. Он не просто записал первые альбомы в моей жизни, он еще и сам их издал. И эти альбомы стали моим таким волшебным клубочком, за которым пошли все мои песенные дороги: концерты, встречи, другие записи и диски.

Я бесконечно благодарна Валере за его дружбу и веру во все мои, порою, самые непоследовательные, на первый взгляд, идеи, которые он мне помогал воплощать. Думаю, что мы еще много чего сумеем записать и сделать вместе. Благодаря Валере Казань стала для меня очень родным городом.

- Слово, известно, прежде всего, и я могу принять, что ваши стихи - «не ваши», они сходят с Небес. А музыка - ее мало услышать и сохранить: какой Бог (или Демон) дал вам в руки гитару - и научил управлять ею?

- Я училась играть на гитаре в Риге, в гитарном кружке, которым руководил очень интересный человек, который называл себя Азовский-Руссо. У нас был очень теплый коллектив, в котором были люди самых разных профессий, мировоззрений, мы много ездили с концертами по разным школам, деревням, ведь это было еще то время, когда культуру, бедненькую, несли в массы. Благодаря Азовскому-Руссо во мне появилось совершенно особое отношение к инструменту, как к живому существу. Я, наверное, уже не играю на гитаре, а общаюсь с ней, или через нее со своей душой.

- Принято считать, что неординарные в творчестве люди вне выступлений предпочитают одиночество, между тем вы человек вполне «общественный», более того - в гастрольных поездках не обижаете ни прессу, ни местных бардов, ни поклонников вашего дара из публики. Неужели не устаете от людей?

- По-моему, любой человек, пришедший выслушать другого - уже становится не чужим. Мне мои зрители и слушатели - не чужие.

А что касается одиночества и «общественности», - по-моему, любому человеку необходимо и общение, и раздумье...

- Вы жили в разных городах, с некоторых пор и вовсе в разъездах - одна большая гастроль. Бывает, что хочется оставить, пусть не навсегда, перо и гитару?

- Нет, никогда мне не хотелось оставить гитару... Отдохнуть - да. Но я не только ведь работаю, я и просто езжу по миру, почти путешествую. А песня никогда не мешает отдыху, если это не какие-то изнурительные гастроли.

- Вы открываете слушателям забытых поэтов начала прошлого века, «озвучиваете» Бродского, обращаетесь к интересным современным авторам, пронзительно пишете сами. Из 380 ваших песен я слышал треть - и нет ни одной шуточной или детской. Это к разговору о добровольном плене: не пора поиграть в бирюльки?

- В первую очередь, поэтов я открываю для себя, а потом, мне всегда очень хочется поделиться своими открытиями со своими друзьями. И так получилось, что друзей у меня становится все больше и больше, потому что все мои зрители - мои друзья (в широком смысле)...

Что касается песен на стихи Бродского... Меня, в свое время, поразили песни Александра Мирзаяна на стихи Бродского, и до сих пор поражают песни Николая Якимова (кстати, диск Николая Якимова на стихи Бродского сейчас вышел в рамках проекта «Азия плюс»). Я очень люблю стихи Бродского, и мне ничего не оставалось, как выразить свою любовь через песни, которые сами пролились из меня. Я их просто не останавливала.

- В Париже или Берлине вас слушают «наши» - или западные баловни тоже приходят потрудиться душою?

- Знаете, среди западных людей тоже есть любители поэзии, музыки, и очень много образованных, тонких людей... Кто конкретно из них приходит на мои выступления - я не знаю, но судьба подарила мне встречи с очень интересными людьми. В этом году выходит второй диск моих песен на стихи Марины Цветаевой, записанный на французской студии l'empreinte digitale, и предназначен он для франкоязычной аудитории. Как видите, их тоже интересует русская поэзия, что мне лично очень радостно и немного удивительно, хотя, в общем, это же ведь нормально...

- Многие поэты, чьи строки вас вдохновляют, были больны. Не страшно - собирая осколки чужих страданий - серьезно навредить себе?..

- Вы имеете в виду душевные болезни или просто - страдания? Даже не знаю... Как сказала одна русская писательница: Россия - цивилизация слез и страданий...

Мы ведь с вами не просто живем в таком мире, где не может быть абсолютного счастья, мы с вами живем в России. По-моему, одним этим уже все сказано. А как себе не навредить? Может быть, у кого-то есть рецепты по этому поводу, - но я не знаю.

- В одной из рецензий отметили, как строго вы проверяете электронику накануне концерта. Вас не подводит «электричество»?

- Да, бывает, порою подводят микрофоны и аппаратура, но чаще – она спасает. Все-таки жанр сегодняшней песни, именно потому, что она камерная, тихая, интимная, - нуждается в помощи усиления и в обработке звука. Думаю, на фоне окружающей тишины (не сравнимой с нынешним фоном постоянного шума), на лоне природы, у реки, в горах, в поле, на воздухе, или в палатах каких-нибудь царских с высокими потолками – все это было естественно: и реверберация, и помощь воздуха, несущего звук далеко-далеко, или отзвук стен, и ... тишина.

А проблемы случаются везде, не только с «электричеством», но и с людьми тоже (даже чаще), которые это электричество излучают.

- Вы снимались в фильме «Леди Годива». Вы там поете, читаете? Или это действительно смена курса? То же с участием в марте в спектакле «Пушкин» в Париже: кто есть кто?

- Курс остается прежним. Просто год назад меня пригласили участвовать в создании анимационного фильма «Легенда о Леди Годива» - я играла музыку к нему. По-моему, получилось очень неплохо.

- У вас так много концертов – и сольных, и с коллегами. За последнее десятилетие слушатель изменился – помолодел, постарел, посуровел?..

- Я не воспринимаю слушателя как одного человека. Люди очень разные. Появляется много новых слушателей, нам это очень приятно. Мы сами тоже на месте не стоим – меняемся. Да и мир меняется тоже. Остается неизменным – любовь к поэзии, к музыке. И этого достаточно.

- Многим недостает только слышать – хотят видеть вашу «игру», чуть не танцы предполагают. Что для вас синтез искусств?

- Я думаю, что «живое исполнение» всегда отличается от того, что видишь по телевизору или слушаешь на пластинках. И жанр нашей песни, в частности, предполагает именно общение людей, общность, в которой происходит вот это «здесь и сейчас», что принципиально отличает «авторскую песню» от других жанров.

Что касается синтеза искусств – по-моему, может быть, что угодно, главное, чтобы это было убедительно и не зло. Вот и все.

Андрей КАЧИН
Фото из архива Е.Фроловой